

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

В.С. ВАХШТАЙН

ИНТЕРАКЦИОНИСТСКИЕ И СТРУКТУРАЛИСТСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАСЛЕДИЯ ИРВИНГА ГОФМАНА

**Erving Goffman: Vol. 1-4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith.
London: Sage Publications, 2000.**

Четырехтомник научных работ, посвященный творчеству Ирвинга Гофмана, продолжает серию «Мастера современной социальной мысли», в которую уже вошли книги о Ю. Хабермаса, П. Бурдьё и других ярких представителях западной социологии. В издание включены более 90 статей, интервью и «открытых писем» (в том числе ответы Гофмана своим критикам), опубликованных с 1962 по 1998 годы.

И. Гофман — один из самых «неоднозначных» авторов XX столетия. Существенная часть посвященных ему монографий начинается с вопроса о том, можно ли вообще считать наследие Гофмана частью социологической традиции или же его работы обречены оставаться чем-то вроде социологической беллетристики. По справедливому замечанию Г.А. Файна, Ф. Мэннинга и Г. Смита, авторов предисловия рецензируемого сборника, превращение ролевой метафоры во «вторую кожу» социологии сделало И. Гофмана наиболее влиятельным американским социологом XX века [1, р. IX]. (Ударение на слове «американским»; авторы гневно отвергают попытки Гейл МакГрегор, чья статья «Взгляд из форта: Ирвинг Гофман как канадец» включена во вторую часть сборника [2], объяснить некоторые особенности работ Гофмана его канадским происхождением.)

Более спорным выглядит другое утверждение — И. Гофман не оставил после себя целостной социальной теории, «никакой “-изм”

Вахштайн Виктор Семенович — аспирант Государственного университета Высшая школа экономики. **Телефон/факс:** (095) 394-90-77. **Электронная почта:** mss021001@msses.ru

или “-логия” не связаны с его именем» [1, р. X]. Оно частично опровергается открывающей сборник статьей П. Бурдые «Ирвинг Гофман: исследователь бесконечно малого» [3]. Бурдые полагает, что представленная в концепции «социальной драматургии» микросоциология Гофмана — вызов догматическому позитивизму академической науки, так же как и «эксцентричный» стиль его изложения. Обилие примеров, деталей, зарисовок «с натуры» — не досадное препятствие на пути концептуализации гофмановских понятий, их включения в «сводную» (overarching) социальную теорию, а неотъемлемая часть его теоретизирования. Этот парадокс, по мнению редакторов-составителей сборника, находится в центре всякого анализа социологического наследия И. Гофмана.

Сборник состоит из девяти частей. В первые две вошли воспоминания коллег И. Гофмана, биографические статьи, интервью. Третья часть отведена анализу гофмановских теоретических построений в контексте «концепций современного общества». Здесь особенно выделяются «критические» интерпретации социальной драматургии А. Гоулднером и Р. Сеннетом. Четвертая и пятая части сборника («Методы» и «Текстуальность») задумывались как взаимодополняющие — анализ особенностей драматургического описания реальности дополняется анализом специфически гофмановского стиля повествования.

Работы, посвященные базовым понятиям социологии И. Гофмана, собраны в шестой части. Этот раздел — центральный в сборнике; если в его четвертой, «методической» части опубликовано всего четыре статьи, то здесь их — тридцать. За такой диспропорцией стоит вполне определенное отношение к социальной драматургии; многочисленными интерпретаторами она воспринимается скорее как новый «язык описания социальной реальности», нежели «полноценная исследовательская программа».

Последние три части включают работы о предшественниках, современниках и последователях И. Гофмана.

Истоки драматургической концепции

Первая часть, посвященная интеллектуальному «бэкграунду» социальной драматургии, открывается дискуссией М. Ороманера и Дж. Познер об отношении к Гофману академического сообщества (и в частности — «нового левого истеблишмента») [4, 5, 6]. Наибольшую ценность в этом разделе представляет интервью самого И. Гофмана, данное им за два года до смерти исследователю символического интеракционизма Джеффу Верховену [7]. Это интервью заставляет пересмотреть ставшую привычной интерпретацию драматургической социологии в интеракционистском ключе. Сам И. Гофман противится навешиванию на него «ярлыка» символического интеракциониста: «Я такой же символический интеракционист,

как и любой другой. Но я также и структурный функционалист в традиционном смысле; и если я не могу ответить на ваш вопрос, то только потому, что не верю в ярлыки. Я не знаю, каковы Ваши чувства по этому поводу, но мои идут от Чикаго, где была сильна традиция Джорджа Герберта Мида подводить социально-психологическое обоснование под всякое исследование. Отсюда можно двигаться в любом направлении; одно из них развил Эверет Хьюз: что-то вроде социологии профессий и городской этнографии. И то, чем я занимался еще несколько лет назад — прежде, чем обнаружил нечто более интересное для себя в социолингвистике — было версией городской этнографии и мидовской социальной психологии... Так что если все же нужно выбрать ярлык, “Хьюзовская социология” была бы более подходящим определением, чем “Символический интеракционизм”» [7, р. 213-214]. В числе социологов, оказавших на него влияние, И. Гофман называет У. Уорнера, А.Р. Рэдклифф-Брауна, Э. Дюркгейма, Э. Хьюза и М. Вебера [7, р. 216]. Связывая собственную социологическую теорию со структурным функционализмом, он раскрывает структуралистскую перспективу своих работ.

Для интерпретатора-интеракциониста И. Гофман — в первую очередь наследник прагматистской чикагской традиции, исследователь *взаимодействия*, понимаемого как «конечная инстанция» объяснения человеческой деятельности. (Из отечественных исследователей такую трактовку дал А.Д. Ковалев [8, 9]). Для интерпретатора-структуралиста И. Гофман — позитивистски ориентированный исследователь порядков, *структур* повседневного взаимодействия, не зависящих от самого процесса интеракции и направляющих его действий. (Структуралистская интерпретация социологии Гофмана как своего рода «драматургического реализма» предложена Г.С. Батыгиным [10]).

Интеракционистская версия опирается на ранние работы И. Гофмана, в первую очередь на «Презентацию себя другим в повседневной жизни». Структуралистская — на его поздние исследования и в частности на «Анализ фреймов», в котором классически прагматистское понятие «ситуации» заменяется структуралистским понятием «фрейма». Основные расхождения интерпретаций касаются проблем конструирования социальной реальности, теоретической оппозиции номинализма и реализма — центральных методологических вопросов.

В своем последнем интервью, стремясь развести драматургическую социологию и символический интеракционизм, И. Гофман выступил как последовательный структуралист: «Моя идеологическая позиция такова: то, что я делаю — это структуральная социальная психология, которая востребована и естественна для социологии. Основной вопрос такой социологии: “Что мы можем сказать об индивиду?”». Это не значит, что индивид — точка опоры, которая позволяет

нам изучать общество; но если вы возьмете общество за основной и действительный элемент, вы все еще сможете задать себе вопрос — что это значит для индивидов, что именно следует предположить об индивидах, которые могут быть использованы или используемы социально?» [7, р. 217]. Сходную позицию он занимает и в вопросе о конструировании реальности: «Социологи по-разному, но всегда верили в социальное конструирование реальности. Вопрос в том, на каком уровне она конструируема? На индивидуальном? На уровне малых групп? ...Я верю, конечно, что социальная среда в значительной степени социально конструируема, также я убежден, что существуют биологические основания, которые должны быть приняты во внимание. Но в чем мои взгляды отличны от взглядов социальных конструктивистов, так это в том, что я не думаю, что индивид сам может многое сконструировать. Он скорее приходит в мир, который уже в том или ином смысле установлен... Я, таким образом, ближе к структурным функционалистам, как Парсонс или Мертон. Так же, как они были близки изначально к функционалистской антропологии» [7, р. 218]. И. Гофман практически дословно повторяет центральную мысль Э. Дюркгейма о «предустановленности» мира. Это позволяет Г.С. Батыгину противопоставить конструктивистской по духу «теореме Томаса» «теорему Гофмана»: «Если Вы определите ситуацию неверно — ситуация переопределит Вас». (В этом Батыгину помогает гофмановское понятие «оснащения» (equipment); люди, играющие в шахматы, могут определить свое взаимодействие как угодно, но сами шахматные фигуры им не переопределить — они указывают на существование объективного смысла ситуации.)

Однако связь социальной драматургии со структурным функционализмом во всей полноте раскрывается при анализе методологических установок И. Гофмана и того подхода, который он называет эпистемологическим реализмом: «Парсонс разработал в эпистемологии то, что я всегда находил близким по духу и обоснованным. Я думаю, в основном я — позитивист. Эпистемологический реализм, предложенный в его труде («Структура социального действия». — *V.V.*), я нашел очень созвучным и подводящим наилучшее основание под труды Вебера и Дюркгейма, доступные тогда на английском языке» [7, р. 219]. Г.С. Батыгин, интерпретируя социальную драматургию как разновидность «драматургического реализма», особо подчеркивает значимость гофмановского методологического инструментария для распознавания структур повседневной жизни, порядков взаимодействия *sui generis*, составляющих микро/макро «континуум фреймов» [10]. Это еще одна попытка closing the Great Divide, но не между «науками о природе» и «науками о духе», а между «понимающей» социологией повседневности и «объясняющей» социологией макросоциальных структур. Социальная драматургия, таким образом, предлагает специфический «язык описания» микросоциальных структур — порядков повседневного взаимодействия.

И. Гофман и современное общество

Другую попытку структуралистской интерпретации работ И. Гофмана предпринимает А. Гоулднер. (Отрывок из его «Грядущего кризиса Западной социологии», посвященный Гофману — «Другие симптомы кризиса: гофмановская драматургия и прочие новые теории» — опубликован в третьей части рецензируемого сборника «Социология Гофмана и современное общество» [11].) Он определяет социальную драматургию как «микрофункционализм» — структуралистскую теорию, лишенную, однако, «метафизики иерархий» [11, р. 247]. В то же время, не углубляясь в анализ методологических установок, А. Гоулднер дает весьма идеологизированную интерпретацию работ И. Гофмана: «Драматургическая модель отражает новый мир, в котором средний класс более не верит в пользу прилежного труда или в то, что успех зависит от прилагаемых усилий. В этом новом мире остро чувство иррациональности отношения между достижениями человека и получаемым вознаграждением, между действительными заслугами и социальной репутацией. Это мир дорогих голливудских звезд и рынка акций, стоимость которых слабо связана с приносимой ими прибылью» [11, р. 247].

Пытаясь представить И. Гофмана социологом массового общества, а его социологию — симптомом глобального кризиса науки, А. Гоулднер оставляет за скобками собственно методологический смысл гофмановских структуралистских построений: ориентацию на поиск латентных структур повседневных коммуникаций. В результате он не видит в социальной драматургии ничего, кроме описаний мира «новых буржуа и управления впечатлениями», населенного «тревожными людьми с влажными ладонями, живущими в постоянном страхе разоблачения» [11, р. 248]; мира, в котором люди производят не товары, а впечатления, в котором правит «маркетинговая рациональность», оперирующая «явными видимостями».

Что движет этими персонажами? Тонкий расчет на достижение цели через управление впечатлениями или внешнее принуждение «фреймов»? «Гофмановский человек» — это не тотально социализированный *homo sociologicus*, но и не безликий «человек калькулирующий», приход которого предсказывали Ф. Теннис и Г. Зиммель. По И. Гофману, человеком движет не жажда наживы и поиск выгоды, а стремление к самовыражению, экспрессивная интенция, которая в конечном итоге оказывается фундаментом социальной организации. Впрочем, и этот аспект работ И. Гофмана вписывается А. Гоулднером в критику современного общества.

А. Гоулднер лишь ставит — но не рассматривает детально — вопрос о мотивации социального действия в гофмановской теории. Проблема противопоставления традиционной рациональности и «экспрессивной интенции» оказывается в центре внимания Ричарда

Сеннета, чья рецензия на гофмановские работы представлена в этой же части сборника [12]. Однако и его анализ драматургической теории ограничивается попытками нарисовать портрет специфически гофмановского антропологического персонажа — нового буржуа, зажатого массовым обществом в тиски «идеологии маркетингового утилитаризма». В таком освещении персонаж этот подозрительно напоминает «внешненаправляемого» члена одинокой толпы из работы Д. Рисмена. Этот поверхностный взгляд, обусловленный чрезмерно идеологизированным прочтением теории И. Гофмана, более свойственен европейской критике. Р. Дарендорф, написавший в 1969 г. предисловие к немецкому изданию книги И. Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни», провел параллель между «тотально заидеологизированным» К. Маннгеймом и И. Гофманом, в работах которого усмотрел «абсолютизацию ролевого аспекта поведения». Как отмечает Х. Абельс, «тем самым был задан вполне определенный угол зрения на творчество Гофмана, который длительное время был по сути дела единственным в немецкой социологии» [13, с. 187].

«Методы» и «Текстуальность»

Слабость идеологической реинтерпретации структуралистских оснований социальной драматургии возвращает нас к вопросу о ее методологической программе. Тем более странным кажется тот факт, что в четвертом разделе сборника, озаглавленном «Методы», помещено всего четыре статьи, ни одна из которых не отражает ни специфики гофмановского метода наблюдения повседневности, ни его связи с упомянутой программой эпистемологического реализма, ни отношения к противопоставлению драматургического включенного наблюдения «традиционным» методам социологии.

Методология социальной драматургии отделяет ее от антипозитивистских микросоциологических течений. «Вы вынуждены выйти на “естественную историю” изучаемого предмета с фазами, структурами и паттернами или вы просто ничего не сказали или не проанализировали, — замечает И. Гофман. — Это не является сильной стороной символического интеракционизма... Если вы начинаете конкретизировать, вашей задачей становится “приведение в порядок” того, что вы видели, и этот порядок означает структуру или естественную последовательность фаз. Тогда, по-видимому, вы оказываетесь в области структурной социологии того или иного рода» [7, р. 226]. Отношение И. Гофмана к «традиционным» методам социологии никогда не было однозначным. Его первое количественное исследование аудитории мыльных опер он сам считал неудачным и практически не упоминал. Экспериментальный метод в исследовании групповой динамики И. Гофман не принимал, полагая, что «что в данном случае с

людьми работают не просто как с крысами, а как с одиночными крысами» [10]. А в предисловии к первому изданию «Публичных отношений» (1971) Гофман и вовсе назвал проверку гипотез о поведении людей «магией» [14]. Тем не менее в своем последнем интервью, отвечая на вопрос о качественных и количественных методах, он заметил: «Эверет Хьюз, который сам стоял за этнографическую социологию, использовал цифры везде, где только мог. Если вы посмотрите на его книгу “Французская Канада в процессе перехода” (1949), то увидите, что в ней столько количественных данных, сколько возможно. Так что эта граница не была жесткой. Я думаю, Блумер никогда не использовал цифры. Я тоже, потому что я ленив, но не потому, что я идеологически настроен против них» [7, р. 225].

Недостаточность раздела, посвященного методам драматургии, по мысли редакторов-составителей, должна компенсироваться пятым разделом сборника («Текстуальность»). Здесь представлены попытки анализа гофмановских текстов с точки зрения их «формы», а не содержания, продиктованные стремлением «вскрыть слои гофмановской риторики» [1, р. XXIV]. Так, П. Аткинсон обнаруживает сходство текстов И. Гофмана и З. Фрейда на уровне «паратаксиса» (вид связи предикативных групп в предложении) [15]. Г.А. Файн и Д.Д. Мартин анализируют тропы сарказма, сатиры и иронии в его исследовании психиатрической клиники [16]. П. Кло дает постмодернистский анализ текстов И. Гофмана в категориях «деконструкции» [17]. В центре внимания Р. Уотсона — влияние «лингвистического поворота» на стилистику изложения [18]. Всех авторов объединяет вера в глубинную связь гофмановских «текстуальных практик» и методологии социальной драматургии.

Шестая часть сборника посвящена центральным понятиям драматургической социологии. К таковым составители относят *взаимодействие*, «Я» (Self) и *фрейм*. Наряду с подразделами, отведенными обсуждению этих понятий, выделяется четвертый подраздел, отражающий специфику ранних гофмановских исследований: «Стигма, душевная болезнь и тотальные институты».

В большинстве статей прослеживается приверженность либо структуралистским (например, статья Э.У. Роулз «Порядки взаимодействия *suí generis*: вклад Гофмана в социальную теорию» [19]), либо интеракционистским интерпретациям (работа С. Уильямса «Гофман, интеракционизм и управление стигмами в повседневной жизни» [20]).

Предшественники, современники и наследники

Седьмая часть — «Гофман и классическая традиция» — открывается известной работой Рэндалла Коллинза «Ирвинг Гофман и развитие современной социальной теории» [21]. В ней приводится периодизация творчества И. Гофмана, которую Дж. Гомос назвал одной из

самых запутывающих [22]. С точки зрения Р. Коллинза, И. Гофман начинает как социальный антрополог, его ранние работы «перегружены Дюркгеймом», с добавлением центральных тем символического интеракционизма, Кеннета Берка и ситуационного «процессуализма» (который трактуется, как отличительная черта прагматистской традиции). В зрелый период И. Гофман «поиграл» с наиболее спорными темами теории игр и, отвечая на эпистемологические вызовы социальной феноменологии, создал некоторый аналог «формальной социологии», призванной исследовать «порядки взаимодействия» (о чем, кстати, говорится и в его президентском послании, опубликованном уже после его смерти). В интерпретации Р. Коллинза, И. Гофман уходит от дюркгеймианской антропологии в зрелый период работы и движется скорее в сторону зиммелевских позиций. Любопытно, что в качестве самого близкого Гофману классика чаще всего называют Г. Зиммеля.

Попытки вывести гофмановскую идею «интеракции» из зиммелевского «взаимодействия» в разное время предпринимали Ф. Мэннинг [23, р. 19-32] и М. Дэвис (чья статья также опубликована в этом разделе) [24]. Г. Зиммель оказывается первым автором, которого цитирует И. Гофман, сделавший зиммелевское рассуждение о взаимодействии эпиграфом своей докторской диссертации. Работы Г. Зиммеля и И. Гофмана объединяет нечто большее, чем предмет исследования (взаимодействие) и сходство теоретических подходов (поиск его «формальных» структур). И. Гофман также предпочитает «импрессионистский» метод изложения упорядоченному и систематическому анализу, тонкость различий — абстракциям обобщений, тем самым сознательно выбирая путь «маргинала» в социальной науке (правда, карьера И. Гофмана как маргинала институционализированного сложилась куда как более успешно). Хотя влияние Г. Зиммеля на социальную драматургию И. Гофмана скорее не прямое, а опосредованное — благодаря Р. Парку зиммелеанская традиция укоренилась в Чикагской школе — оно становится серьезным аргументом против «радикальных» структуралистских интерпретаций, акцентирующих дюркгеймианские основания гофмановских работ.

К числу таковых принадлежит опубликованная в восьмой части сборника («Гофман и его современники») статья Дж. Гоноса «“Ситуация” против “фрейма”: “интеракционистский” и “структуралистский” анализ повседневной жизни» [22]. По мнению Дж. Гоноса, структуралистский поворот в творчестве Гофмана произошел после введения им термина «формат»: «Конструкты “ситуации” и “фрейма”, — пишет он, — представляют две противоположные парадигмы, использующиеся для изучения повседневности, но каждая из них должна быть рассмотрена как дериват классической социологической

традиции. “Ситуация” — это пароль к интеракционистскому (или социально-активистскому) подходу, основывающемуся на базовых принципах веберизма, тогда как “фрейм” апеллирует к категориальному аппарату, которым И. Гофман обязан Э. Дюркгейму» [22, р. 34]. Разбиение всего поля социологического знания на две игровые площадки — веберизацию и дюркгеймизацию — не лучший способ определить место гофмановского подхода. Гораздо продуктивнее было бы заменить черно-белую дихотомию Вебер/Дюркгейм (или социальное действие/социальный факт) на трихотомию Вебер—Зиммель—Дюркгейм (или действие/взаимодействие/факт). На различении акционистского и интеракционистского подходов настаивает также Г. Блумер в своей рецензии на «Публичные отношения» И. Гофмана [25].

Апелляция к Г. Зиммелю и его наследию существенно проясняет некоторые аспекты соотношения «структуры» и «взаимодействия» в работах И. Гофмана. Дж. Гонос, признавая, существенное сходство между теориями двух классиков, причисляет Зиммеля, как создателя «формальной социологии» к предтечам структуралистской парадигмы. Против этого выступают исследователи-зиммелеанцы Н. Дензин и Ч. Келлер в статье «Фрейм-анализ пересмотрен» [26]. Впрочем, их интеракционистская интерпретация социальной драматургии в конечном итоге сводит весь анализ фреймов к восьми в значительной степени тривиальным «исходным постулатам», что вызвало справедливое возмущение самого И. Гофмана, выразившееся в «Ответе Дензину и Келлеру» [27].

Где локализованы эти скрытые структуры повседневного взаимодействия? Каким образом они могут быть вычленены из потоков интеракции? Посредством анализа структуры речевых коммуникаций. Видимо, этим обусловлено обращение И. Гофмана к социолингвистике в поздний период творчества. Он заимствует из теории речевых актов Джона Серля различение регулятивных (относящихся к форме высказывания и представляющих собой реакцию на контекст сообщения) и конститутивных (создающих контексты) правил общения. И. Гофман также обратил внимание на различия в общении знакомых и незнакомых людей. Если общение знакомых имеет своей целью воспроизведение близости, то общение незнакомых ориентировано на установление доверия. Достигается это посредством «мостиков» — например, при помощи вопроса «который час?» или просьбы прикурить.

Значительная часть исследований повседневной коммуникации, собранных в последней книге Гофмана «Формы разговора» (1981), опирается на работы его учеников Хэрви Сакса и Эмануэля Щеглова. Э. Щеглов известен как этнометодолог, специалист по методам исследования разговоров, подслушанных в транспорте и общественных местах. Блестящий разбор некоторых из них он приводит в своей статье «Гофман и анализ речевого общения» [28].

«В своем эссе, — пишет Щеглов, — я не собираюсь ни канонизировать, ни чествовать Гофмана. Скорее я пытаюсь продолжить спор с ним и таким образом сохранить критическое отношение к его идеям, которые могут и дальше приносить дивиденды. Ибо мы, безусловно, еще не закончили учиться по оставленным им работам» [28, p. 176]. Эта фраза как нельзя более точно отражает идею сборника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fine G.A., Manning Ph., Smith G.W.H.* Introduction // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. IX-XLIV.
2. *McGregor G.* A view from the fort: Erving Goffman as a Canadian // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 179-193.
3. *Bourdieu P.* Erving Goffman: Discoverer of infinitely small // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 3-5.
4. *Posner J.* Erving Goffman: His presentation of self // Sage masters of modern social thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. 1. London: Sage Publications, 2000. P. 99-114.
5. *Oromaner M.* Erving Goffman and the academic community // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 114-120.
6. *Posner J.* Rebuttal to Oromaner paper // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 120-122.
7. *Verhoven J.C.* An interview with Erving Goffman, 1980 // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 213-239.
8. *Ковалев А.Д.* Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // И. Гофман. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
9. *Ковалев А.Д.* «Фрейм-анализ» Гофмана с точки зрения переводчика // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 2. [online] <<http://www.sociologica.ru/04tra1.pdf>>.
10. *Батыгин Г.С.* Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Вестник РУДН. 2002. № 1. С. 1-35.
11. *Gouldner A.* Other symptoms of the crisis: Goffman's dramaturgy and other new theories // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 245-256.
12. *Sennet R.* Two on the aisle // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 320-329.
13. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. под общ. ред. Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Алетейя, 1999.
14. *Goffman E.* Relations in public. Microstudies of the public order. New York: Basic Books Inc., 1971.

15. *Atkinson P.* Goffman's poetics // Erving Goffman: Vol. 2 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 120-135.
16. *Fine G.A., Martin D.D.* A partisan view: Sarcasm, satire and irony as voices in Erving Goffman's Asylums // Erving Goffman: Vol. 2 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 135-156.
17. *Clough P.* Erving Goffman: Writing the end of ethnography // Erving Goffman: Vol. 2 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 156-172.
18. *Watson R.* Reading Goffman on interaction // Erving Goffman: Vol. 2 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 191-213.
19. *Rawls A.W.* The interaction order sui generis: Goffman's contribution to social theory // Erving Goffman: Vol. 2 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 252-275.
20. *Williams S.* Goffman, interactionism and the management of stigma in everyday life // Erving Goffman: Vol. 3 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 212-239.
21. *Collins R.* Erving Goffman and the development of modern social theory // Erving Goffman: Vol. 3 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 307-338.
22. *Gonos G.* "Situation" versus "frame": The "interactionist" and the "structuralist" analysis of everyday life // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 31-51.
23. *Manning Ph.* Erving Goffman and modern sociology. London: Polity Press, 1992.
24. *Davis M.S.* Georg Simmel and Erving Goffman: Legitimizers of the sociological investigation of human experience // Erving Goffman: Vol. 3 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 415-435.
25. *Blumer H.* Action vs. Interaction: Relations in public — Microstudies of the public order by Erving Goffman // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 3-9.
26. *Denzin N., Keller Ch.* Frame analysis reconsidered // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 65-79.
27. *Goffman E.* A reply to Denzin and Keller // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 79-91.
28. *Schegloff E.* Goffman and the analysis of conversation // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage Publications, 2000. P. 176-214.